

Валерий Сдобняков. Сергей Васильевич, вас не обидит, если я назову вашу поэзию народной, имея в виду то, что в ней нет какой-то эстетической изысканности, сложных ритмических переходов, но много очень понятных, находящих отклик у самого широкого круга читателей чувств и переживаний? Они для них – «простых людей» – эти чувства естественны, органичны и потому глубоки. Однако не ведёт ли всё это к понижению художественного уровня стихов? Ведь искусство должно быть «высоким», возвышать людей. Я понимаю провокационность своего вопроса (не обижайтесь) и всё-таки...

Сергей Чепров. Не обидитнисколько. Даже наоборот... Хотелось бы, чтоб стихи мои народ принял, только вот решать это, увы, не нам с вами. Наверное, лишь время всё расставит на свои места. Да, я прекрасно понимаю, что стихи мои – просты. Если определить честнее – простоваты. Но такими уж они у меня рождаются. По-другому писать не умею. Не научился. Да и надо ли? Конечно, они не поразят эстета ни необычностью образов, ни новизною рифм... Но ведь и пишу я не для эстетов и критиков, а именно для «простых» людей, к каковым отношу и себя.

А вот насчёт «высокой» или «низкой» художественности – честно, не знаю. Наверное, этот вопрос не ко мне. Ответить могу лишь притчей, когда стоят перед картиной несколько таких ценителей изящности, охая, восторгаясь, чуть не падая в обморок от избытка чувств, а за ними – толпа простых людей, которые думают: «Или те сошли с ума, или мы совсем

группы, полные профаны...» А на стене всего-то висит картина Малевича «Чёрный квадрат». Конечно, искусство должно возвышать. Но, прежде всего, оно должно разбудить душу человека, заставить его задуматься... А это обычно делается простым, понятным языком и на обыденных, но волнующих каждого темах. Когда я читаю стихи И. Бродского, то удивляюсь текучести его мысли, необычайности сравнений и образов... Но, прочитав, думаю: а что он хотел сказать и кому? Поэтому просто не могу не привести здесь высказывание поэта О.Н. Шестинского о стихах Бродского из вашей книги «Яблоки русского сада», подтверждающие мои мысли. «Лично мне стихи его не нравятся. Они оторваны от земли, от каких-то важных жизненных ситуаций. Придуманые стихи, написанные умом, а не душой, не сердцем». И здесь с Олегом Николаевичем я полностью согласен. (Это к вопросу о художественности.) Тем более, что наш, русский, народ – он «душевный», и умными красотами его не проймёшь. Соглашусь и с вами ещё раз, что мои стихи просты, но написаны они от души, выболены, и, как я надеюсь, имеют право быть, заняв какую-то свою определённую нишу и обретя определённый круг читателей. Однажды один из сотрудников журнала обронил такую фразу: «Если я только встречаю рифму «слёзы – берёзы, поля – тополя», то всё, дальше эти стихи уже не читаю». Его право. И есть в этих словах своя доля правды. Но у меня такие рифмы – сплошь и рядом. Наверное, это не очень хорошо. Но когда пытаюсь придумать что-либо новое, необычное – получается ещё хуже: неискренне, надуманно... И оставляешь всё как есть. К картинам я уже обращался, пора и к музыке... Есть всеми признанная классика. Но среди простого народа найдётся не так уж много её почитателей. И в застольях-то поют совсем не арии, а простые, понятные и такие душевные песни! Я отлично помню, как мои деды и бабки собирались за столом вместе, и ни одно застолье не обходилось без этих протяжных «жалостливых» песен, без слезы, с зажатым платочком в руке. Пели «По диким степям Забайкалья» и «Бежал бродяга с Сахалина»... И вот эти-то песни, по-моему, и стали прародителями современного уличного (тюремного) фольклора. Представляю, как многие поморщатся, читая эти строки. Что ж... «Из песни слова не выкинешь», так как это – огромный пласт современной русской песенной культуры, имеющий немалую категорию почитателей. Правда, теперь это уже не «застольные», а, скорее, «дорожные» песни, так как из окна каждой второй проезжающей мимо машины звучит «русский шансон». И, насколько я знаю, это – чисто русское явление. Есть у негров песни о рабстве и мечтах о свободе, встречается и у других народов подобие «разбойничьих» песен, но до таких масштабов, как у нас, тема эта нигде не поднимается. Почему? Во-первых, половина населения нашей страны уже успела «посидеть», а вторая половина только готовится. Во-вторых, сидят-то у нас в основном «не те». Я не скажу, что по тюрьмам томятся совсем уж невинные люди, но всё же «главные воры» откупаются или же сами являются судьями и, как правило, остаются на свободе. Наверное, только у нас существует такая обречённая, полная горького смысла, поговорка «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». В-третьих, эта извечная жалость, живущая в русской душе испокон веков. Жалость к любому, кто хоть капельку в данный момент несчастнее тебя.

И что ж, этот огромный пласт – не искусство? Искусство. Так же как и частушки, пускай порою и с ненормативной лексикой, но такие изумительные, с такой глубинной мудростью и точностью-тонкостью, что эти четыре строчки стоят иногда целой поэмы. Однажды меня попросили назвать самую любимую песню, лучшую из всех, которые я слышал за свою жизнь. Я задумался. Одну лучшую выделить так и не смог, а вот три первые из этого большого списка назвал: «Лучина», «Священная война» и «Кони привередливые». Все они – русские, потому как и сам я русский человек. Но именно от этих песен у меня выступают на глазах слёзы и бегут по коже мурашки. Что-то я совсем в своих рассуждениях

перешёл на песни. Но ведь это та же самая поэзия, только обрамлённая музыкой. Та же самая поэзия.

В.С. Да, но ведь есть ещё и такое понятие в творческой деятельности, как профессионализм. И вообще – разве в задачи искусства входит только скрашивание «застольного досуга»? Уж так повелось в нашей литературе (пока будем говорить только о ней), что писатель и поэт в общественной жизни выступали ещё и «защитниками правды», и «идеологами изменения общественного сознания», и творцами неких «новых эстетических форм». Иными словами – нация немислима без своей культуры в самых разнообразных её формах, значениях, задачах. Так можно ли быть в оценках её столь категоричным? Нет ли тут некоторого «провинциального высокомерия»?

С.С. Валерий Викторович, вы задаёте такие вопросы, на которые я и наедине-то с собой не всегда нахожу ответы, а уж повсеуслышанье – тем более. Но попробую...

Во-первых, насчёт «провинциального высокомерия»... То есть, не является ли выпячивание такой «кондовости», кичливость «мужичкой простоватостью и сермяжной правдой» – обыкновенной попыткой завуалировать свою бесталанность? Возможно в рассуждениях (в коих я мастер не особый), такие неоправданные и необоснованные моменты откуда-то из глубин подсознания и проскальзывают. Здесь и внутреннее желание объяснить перед самим собой простоватость своих стихов, которую я, естественно, чувствую, все же не считая её отрицательным фактором. Здесь и ответ на «внешние раздражители» того же характера. Не скрою, что от литераторов я не раз слышал в свой адрес упреки и в примитивизме, и в популизме. А ответ у меня один: «Извините, значит, писалось не для вас, а совсем для другой категории людей». И такой ответ я вовсе не считаю обидным. Ведь есть любители тушёной капусты, которую я на дух не перевариваю, но не могу же я по этому признаку считать их ниже или выше себя. Ещё раз повторюсь, что данные упреки в «провинциальном высокомерии» я принимаю только касательно своих рассуждений, но отнюдь не стихов. В стихах же моих лжи нет. Возможно, есть какие-то ошибки и заблуждения, непонимание чего-либо, но всё это – искренне. Конечно, любая мать считает своё дитя самым умным и красивым. Оно ведь своё, кровное, выстраданное болью и слезами. Не то же самое происходит и со стихами? Ну какой поэт признается, что пишет никчемные стихи? Хотя в «Литературной России» как-то я наткнулся на замечательную фразу «Каждый поэт в душе знает истинную цену своему творчеству». Правильные слова. Я вот тоже о своих стихах иногда думаю: «... и мысль вроде глубокая и верная, и концовка замечательная... Эх, добавить бы ещё парочку необычных образов-сравнений, которые поразят, зацепят...» Ан нет, не получается. Ну не дано мне этого. И этому уже не научишься. Я это понимаю и принимаю. И вовсе не огорчаюсь. Из всех определений счастья есть одно, которое мне ближе всего: «Счастье – это умение довольствоваться тем, что имеешь». Ключевое слово здесь – довольствоваться. Не просто обходиться, а именно жить в удовольствие. Вот так я и принимаю свои стихи. Пускай со всеми недостатками, кои не всегда зависят от меня, но это – удовольствие. Радость творчества. И главное – она есть, эта радость. А что получается в итоге, может и не так уж и важно?

Во-вторых, насчёт профессионализма в творческой деятельности... По моему мнению, для писателя это не играет такой уж большой роли, как, допустим, для танцора или скрипача. Там нужно оттачивать мастерство ежедневными тренировками, соблюдать особые режим и диету, – тогда только достигнешь определённых высот. В поэзии же как не подбирай рифмы, как не пытайся экспериментировать с ритмами, – скажешь только то, что имеешь сказать. Не больше. Совсем не важно, что Гоголь писал «щекатурка» вместо «штукатурка», читать-то его будут

всегда. Потому что больше так никто никогда не сможет сказать. А вот откуда это в нём было? В книге «От чего нас хотят спасти» (Данилов мужской монастырь. Москва. 2007 г.) приведён такой факт: девочка 10 лет будит ночью мать и просит записать «пришедшее» ей стихотворение, иначе к утру она его забудет.

*Прокатилось яблоко холодом,
Да на берег, на чёрный пруд.
Если жизнь кончается смолоду,
Ошибается Божий суд.*

Как объяснить, откуда это? И какой здесь, простите, профессионализм? Не знаю, какова доля правды в приведённом выше факте (хотя об этой Вере Ветровой в своё время писала и «Комсомольская правда»), но вот я, имея филологическое образование и не один десяток лет занимаюсь сочинительством, не смогу так сказать. Завидую по-хорошему, а не смогу.

В-третьих, конечно же, я не только за «скрашивание застольного досуга». Не только и не столько, как могло показаться из моих слов. Каюсь! Это я в «спорщическом» запале обидел и Малевича, и классику. Несомненно, искусство должно быть разным. Только почему-то мне внутренне претит это разделение его на высокое и низкое, на классику и не классику. Меня коробит, когда эстеты всерьёз заявляют, что до «понимания этой вещи массы ещё не доросли». И я совершенно не согласен с утверждением того, чтобы понять высокое искусство необходимо не столько внутреннее чутьё, сколько специальное многолетнее образование. Ну не согласен я с таким порядком вещей. Когда-то на обращение к своему преподавателю с жалобой, что вот не понимаю я большую часть «Доктора Живаго», в ответ услышал: «Эх, сынок, для этого тебе ещё нужно учиться и учиться. А кроме того надо ещё столько знать!» На что я возразил: «А разве Пушкин ниже и глупее? Его-то я понимал и в первом классе, и сейчас. Его, по-моему, понимаю абсолютно все. И наизусть читают». Ответ был короток, но до сих пор туманен в свете заданного вопроса: «Пушкин – это гений!» Вот так.

В.С. Судя по тому, что вы более чем на двадцать лет исчезали из поля зрения читателей, (данные беру из вашей официальной биографии) не всё так уж легко и гладко складывалось в вашей творческой судьбе. Что тому послужило причиной – разочарование, неуверенность в собственных силах или попытались побороться с собой, уйти от поэзии, пожить без неё?

С.Ч. Правильнее сказать – не исчезал, так как и «явления» тогда особого не было. Редкие газетные публикации не очень хороших стихов. Да и времена другие были: то, что писалось от души, естественно, не могло быть напечатано, так же как и прочитать невозможно было то, что хотелось. Это я отношу к тем немногим минусам ушедшего строя. Плюсов было намного больше.

Да, «объявился» я со своими стихами поздно, когда уже было за пятьдесят. А на вопрос «Почему так?» отвечаю обычно анекдотом. Родился в семье глухонемой ребёнок. Как только ни бились родители, к каким «светилам» медицины не обращались – никаких результатов. В итоге смирились. Сын вырос. И вдруг однажды за столом он отодвигает тарелку и произносит: «Мать, суп несолёный». Все повскакивали, рты поразевали и спрашивают: «А чего ж ты раньше-то столько лет молчал?» Он отвечает: «А раньше всё нормально было».

Вот и у меня, наверное, так. От поэзии уйти не пытался, да это и вряд ли возможно... Но что писалось, всё, как говорится, в стол, для личного пользования. Да и считал, что в наше-то нелёгкое время стихами мало кто интересуется, как-то не до того всё и всем. Но особо в последние

годы, когда стал ясно осознавать, что «не той дорогой идём, товарищи», что нынешняя политика ведёт страну к краху, а русский народ – к гибели, что в данный момент молчать – преступление, вот тогда-то и вышел из «тени». И не просто говорить, а кричать нужно о том, что на душе наболело, чтобы, в конце концов, самим перед собой быть честным. Да и потом, представ перед Богом (что когда-нибудь случится обязательно), не хлопать глазами, опустив в отчаянии руки, не мямлить невнятное, а всё же сказать: «Я что-то делал...пытался... что было в моих силах...».

В.С. В ваших книгах «Душа моя непутевая» и «Когда болит...» очень много, я бы даже взял на себя смелость утверждать – подавляющее большинство – стихов остро социальных, стихов протеста против сложившихся в современной России нравов, в основе своей чуждых русскому народу. Здесь ваши чувства мне понятны. Но ведь, наверное, не только этим живёт душа поэта?

С.Ч. Естественно, есть у меня и стихи о любви (с чего, собственно, и начинается поэзия и без чего она не может существовать). Немало написано стихов для детей. Очень дороги мне стихи о Вере и о Боге. (Тема это для меня особая, и стихи эти я стараюсь читать и публиковать наравне с социальными.) Всё это – отдушины, чтобы не очерстветь. Да и одни только «социально-злые» стихи писать невозможно: или угодишь в палату № 6, или вздёрнешься. Просто с изданием своих книг и с публикацией стихов где-либо в наше время очень проблематично, не реклама всё же, вот и стараешься при первой подвернувшейся возможности сказать (напечатать) то, что считаешь главным, не терпящим отложения. Успеть высказать то, чем душа печалится, что покоя не даёт ни днём, ни ночью. Хочется успеть! А уж остальное – потом, как-нибудь... И, может быть, Валерий Викторович, вы правы в своём замечании: «больных» стихов, как я их сам называю, у меня всё же больше. Сам я себя считаю счастливым человеком, жизнь люблю очень, но стоит оглянуться вокруг и – заноет душа, защежит сердце и места не находишь... Есть у меня одно из любимых стихотворений, верно, как я считаю, объясняющих мою суть:

*Явившись в разгаре лета
На свет желторотым птенцом,
Я не был рождён поэтом,
Но пахарем и жнецом.*

*Своей не противясь сути,
Шагал по земле, не скользил,
Извечно по локоть в мазуте
И по колено в грязи.*

*Но как-то на мёртвом поле,
Заплакав, запев ли навзрыд,
Вдруг понял я, что у боли
Тоже есть рифма и ритм.*

В.С. Да, я согласен, современная социальная несправедливость (впрочем, как и во все иные времена) просто вопиет к протесту. («Были времена и хуже, но не было подлей»). Но, поддаваясь этому чувству, не теряет ли художник что-то очень важного, глубинного в своём творчестве? Ведь всё в итоге проходит – бунты, мятежи, революции, годы смуты и благоденствия. И лишь поэзия, лишь высоты человеческого духа, творческого озарения остаются вечными. Не они ли не дают нам окончательно пасть, уйти под власть худшей из сил и тем самым погибнуть для вечности?

С.Ч. А вот в этом вопросе я немного иного мнения. Да, всё проходит – и бунты, и мятежи, и революции. Проходило. Но теперь, как мне кажется, (и дай-то Бог, если я заблуждаюсь) может и не пройти. Уж слыш-

ком мы отклонились от истинного пути. Слишком «заматериализовали» жизнь, всё больше и больше утрачивая духовность. Всё для большего и большего числа людей единственной верой становятся деньги. А исчезли сейчас эти бумажки – и сколько же людей потеряется, не будет знать, ради чего жить. Я действительно считаю, что данный момент – это и есть то самое время «Ч». Мы уже у черты, за которую переступить – погибель. Как бы это объяснить поточнее... Например, землетрясение в Японии. Они были всегда. И цунами тоже. Но прекратятся толчки, схлынет волна, – и оставшиеся в живых снова приступают к обустройству, возвращаются к прежней жизни. Так было вечно. Но теперь созданный человеком ядерный реактор вносит свои, довольно существенные коррективы. Радиация – штука совсем иного порядка. Ещё пара таких землетрясений (вполне обычных для нашей планеты), и – обустроиваться-то будет вовсе некому. То же самое происходит и с духовной жизнью. Испокон веков на земле одно поколение сменяло другое, пахало землю, строило дома, растило детей. А теперь вот порою приходишь к мысли, что вдруг следующему поколению уже не нужны будут ни книги, ни дети..., ничего, кроме как необузданного желания удовлетворять свои инстинкты. Как-то я прочитал, что в одной из европейских стран ныне нет ни одного живущего поэта. Это же страшно! Не мечтает народ, не слагает песен. Да и не народ это уже вовсе, а просто сообщество потребителей. И нас с этими рыночными отношениями ведут туда же, к утрате в человеке человеческого, то есть, к краху. Туда, где эти «высоты человеческого духа, творческого озарения» (как вы говорите), никому не будут нужны. Мы, русские, как мне думается, живём пусть и хуже, беднее, но правильнее всех остальных. Но не последние ли это потуги человечества? Не пытаются ли эту нашу духовность затоптать, затереть деньгами? Причём, сознательно и целенаправленно. Мне так видится. Поэтому так и пишется. И пусть я и повторяюсь, но искренне считаю, что молчать в данный момент – преступление. Как и писать о цветочках и поцелуях при луне. Хотя это, видимо, я уж слишком... Очень многие в этом со мной не согласятся, и, может быть, будут правы. Наверное, настоящие поэты смотрят на жизнь по-иному. А я, скорее всего, не совсем настоящий. Если сравнивать поэзию со спортом, то писать стихи, как и бегать, может практически каждый. Но вот стать чемпионом – совсем другое дело. Тут нужно отказаться от многих жизненных прелестей, соблюдать особый «режим питания и тренировок», то есть жить не «как все». Я же живу как все. И писание стихов для меня никогда не становилось ни смыслом жизни, ни главной целью. Поэзия для меня – одна из череды жизненных радостей, дарованных нам Богом. Только одна из череды радостей. Радость творчества. На этом, пожалуй, надо бы и закончить, если только стоило начинать такой разговор.

Всё-таки, по большому счёту, обсуждать да анализировать свои ли стихи, чужие ли – «не царское это дело». Писатель должен писать, творить, а не заниматься объяснением и толкованием своих творений. Более того о себе, о своём отношении к жизни, чем я сказал в своих стихах, я уже не скажу. Да и надо ли? Ведь это уже не будет самым главным. Не то чтобы я противник критики вообще, но явно не её сторонник. Критика – удел узких специалистов, по большей части не имеющий прямого отношения к широкому кругу читателей. Получив в молодости высшее филологическое образование, я никогда не задумывался, ямбом пишу или амфибрахийем, какова идея и тема стиха, соответствует ли произведение категориям партийности и народности. А ведь как нас на это «натаскивали». И, пойдя я работать в школу, точно так же вдалбливал бы своим ученикам эти мужские и женские рифмы, пытал бы их в поисках идеи и партийности. А надо-то было всего лишь читать эти стихи, но читать так, чтобы они (ученики) замерли и, может даже, прослезились. Просто читать, иногда только поясняя историю да обстоятельства создания данного произведения. Но как ты не разбирай рифмы да ритмы,

как не выкапывай идею и «ключевую фразу», лучше или хуже от этого стихотворение не станет. Коли не зацепило оно, не легло на душу – уже ничем не поможешь, никакими анализами. А легло – оно и останется там, и будет с тобой всегда, и заставит задуматься и возвращаться к нему снова и снова.

Правда, в последнее время я всё чаще обращаюсь к публицистике. И вовсе не потому, что перестал «доверять» стихам. Время не терпит! Статья же – более объёмна и оперативна. И по охвату аудитории значительно шире. А так много хочется успеть сказать! Это гнетуще-тревожное предчувствие Апокалипсиса (в первую очередь, конечно, духовного) постоянно подгоняет. И тут вы абсолютно правы в оценке моей социальной направленности, может даже в перекосе... Как там у Маяковского: «Но я себя смирял, становясь \ На горло собственной песне». Не случись таких крутых (не в лучшую сторону) перемен в стране за последние годы, пописывал бы раз в месяц посвящения жене с непременно «жужжащей пчёлкой на лепестке», и не было б даже мысли о «выходе на люди». Хотя, как знать? На все воля Божья.

*Март 2011 г.
Бийск, Алтайский край*

